

Е.Ю. Теребилова

«СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В предлагаемой статье осуществляется рефрейминг понятия «социальный консенсус» и связанных с ним способов репрезентации социальной реальности. Средствами сравнительно-социологического анализа идентифицируются проблемы, порожденные предметно-смысловой неопределенностью современных социальных исследований. Вводится определение понятия «дисциплинарный концепт», выражающее предметно-смысловое единство социального исследования на метатеоретическом уровне сравнительного анализа институциональных трансформаций типов социальности, впервые обозначенное в социологическом дискурсе О. Коттом как «социальный консенсус».

Ключевые слова: *социальный консенсус, сознание, фрейм, рефрейминг, сравнительный анализ.*

Key words: *social consensus, consciousness, frame, reframing, comparative-sociological analysis.*

Одной из отличительных черт социологического дискурса является статистически значимая (общеупотребимая, самоочевидная) сигнификация определяемого объекта, то есть указание на его структурные или функциональные особенности, способом, вынуждающим социолога говорить об общественном, индивидуальном, коллективном сознании, «сознательной деятельности общественного человека», сознательном или бессознательном поведении человека — индивида, группы или массы людей.

Этот способ обозначения объекта в профессиональном дискурсе принимается как само собой разумеющийся, поэтому требуется некоторое усилие («переключение») для того, чтобы зафиксировать присущую ему интенцию, постоянно наличествующее указание — о чем бы ином при этом ни шла речь — на фактическую реальность сознания, *предполагаемую* социологи-

ческим дискурсом в качестве своего предмета. Данное обстоятельство, как известно, было зафиксировано О. Контом в понятии *социального консенсуса* (Comte 1908: 146–147; Comte 1929: 8, 33).

Ввиду важности данного обстоятельства для последующего развития темы еще раз поясним сказанное: дискурс определяется как профессиональный в том и только том случае, когда *полагаемое* в нем, что бы при этом ни выступало объектом обсуждения, *предполагает* наличие предмета, с которым связан собственно профессиональный интерес; этим научный дискурс как вид коммуникации отличается от научного исследования как вида деятельности, где имеет место обратное соотношение полагаемого и предполагаемого, поскольку интерес состоит не в разъяснении, а в достижении объективно значимого результата.

Проблемы, преодоление которых достигалось включением понятия социального консенсуса в структуру размышлений об особенностях социальной жизни человека, обусловили историческое начало социологии как институциональной формы систематического применения научного метода в исследовании социальных явлений.

Утверждая это, мы имеем в виду две внутренне связанные друг с другом проблемы — (1) проблему демаркации с альтернативными способами присвоения социально значимого знания и (2) проблему дисциплинарной идентичности, то есть приобретение социологией статуса научной дисциплины, сопоставимого с прочими институциональными формами научного познания.

Предметная интенция, введенная О. Контом в социологический дискурс посредством понятия социального консенсуса, выражающего представление о сознании как о структурирующем элементе социальной реальности, действительно, проводит демаркационную линию между социологией, с одной стороны, и теологическими («финалистскими»), а также — и философскими («фетишистскими» — в терминологии О. Конта) способами постижения общественной жизни, поскольку все эти виды «ненаучного» социального дискурса монотонно противопоставляют сознание и реальность, исходя из мысленного разрыва реального единства (консенсуса) социального взаимодействия людей (см., напр.: Жижек 2008).

Демаркационная линия, отделяющая социологический дискурс как специфически профессиональный, «научный», от иных способов присвоения и трансляции социального знания, выступает достаточным основанием для дисциплинарной идентификации социологии как новой области научного знания. Иными словами: если решение проблемы демаркации достигается выявлением предметной направленности дискурса в ходе *феноменологической* по своей сути трансформации его протосоциологического содержания и психологической формы, то решение проблемы дисциплинарной идентичности вполне осуществимо *логическим* путем.

Последнее утверждение совпадает с результатом логического анализа предметного содержания исходной феноменологической трансформации.

Так, при теологическом или философском истолковании социальных явлений признак «определимость» интерпретируется онтологически — дихотомия «определяющее»/«определяемое» полагается в виде существенного отношения социальной реальности как таковой. В этом случае социальный смысл данного отношения очевидно умозрителен и, с социологической точки зрения, случаен. Феноменологическая трансформация признака «определимость» приводит к иному семантическому отношению — «определяемое» и «то, что определяется», — социальный смысл которого устанавливается эмпирическим способом, релевантным направленности экспериментально-теоретического исследования социального объекта на любом уровне его предметной репрезентации.

Таким образом, процесс дисциплинарной идентификации социологии, инициированный О. Контом посредством внедрения в социологический дискурс понятия социального консенсуса, приводит к закреплению за областью предметно направленного интереса к явлениям социальной жизни дисциплинарного статуса эмпирической науки, продуцирующей положительное социальное знание, достоверность которого обеспечивается соответствием общенаучного стандарта используемым исследовательским процедурам.

В профессиональном дискурсе предмет, «определяемое», лишь *предполагается*, тогда как *полагается* именно объект, «то, что определяется», — формируется первичный фрейм, посредством которого субъективная, по сути, произвольная, фрагментация объекта упорядочивается в стандартных способах рассуждения о нем (Минский 1979), соответствующих представлениям участников данной коммуникации не о природе объекта, а о свойствах установленного ими фрейма. Если дело ограничивается дискурсом, то у участников профессиональной коммуникации появляется иллюзия целостного постижения объекта, или — субъективное убеждение (уверенность) в том, что все существенное, что следует знать об объекте, они «уже знают». Отметим, кстати, что первой жертвой подобного заблуждения среди социологов стал сам О. Конт, о чем Дж. Ст. Милль, отдавая дань выдающимся заслугам основоположника позитивной социологии, свидетельствовал как «о странной аномалии его умственной жизни» (Милль 2007: 6, 54).

Поэтому важнейшим условием соответствия общенаучному стандарту является переход от состояния профессиональной коммуникации к нормативному научному исследованию, что и осуществляется *полаганием предмета* посредством рефрейминга объекта («того, что определяется с помощью первичного фрейма в дискурсе») с целью преобразования фрагментарных представлений о нем в дисциплинарно релевантную и логически упорядоченную (объективно-предметную) последовательность теоретических утверждений, социальный смысл которых устанавливается эмпирическим путем.

Теперь мы уже можем объяснить, почему в названии статьи словосочетание «социальный консенсус», обозначающее понятие, введенное О. Контом

в социологический дискурс, взято в кавычки. Сделано это для того, чтобы подчеркнуть ту особую, регулятивную, функцию, которую это понятие выполняет для современной социологии, поскольку в историческом контексте, сформированном представлениями позитивной социологии, понятию социального консенсуса досталась совсем иная роль.

В позитивном дисциплинарном дискурсе объект социального исследования представлен на уровне первичного фрейма как «то, что определяется социальным консенсусом». Последнее означает, что объект вводится в рамку профессионального дискурса и определяется в нем неотчетливым представлением о социальном консенсусе как об *объективном* принципе, организующем поведение людей, наделенных сознанием и волей, в те или иные формы социального взаимодействия, независимые от их сознания и воли. Согласие может быть «согласием на...» или «согласием с...», индивидуальным или групповым, добровольным или по принуждению, но при наличии социального консенсуса как формы *объективного единства* социальной жизни все это и не важно, а важно лишь то, что согласие есть и не менее важно, что его не может не быть, поэтому оно (в этом суть иллюзии понимания) *определяет* «то, что определяется», хотя и фантастическим образом.

Социальный смысл любых утверждений по поводу социального консенсуса, представленного его объективистски позитивной версией, не может быть установлен эмпирически, — он целиком умозрителен и лежит в зоне индивидуальной коннотации речевого поведения исследователя, склонного подобное утверждать. В этой связи некоторый интерес представляет свидетельство Алена, пожалуй, одного из последних почитателей основоположника позитивной социологии: «...Во всяком возрасте ничем не ограниченные мнения стремительно и даже бурно приходят в беспорядочное состояние. Странно было бы предъявлять здесь какие-то претензии, ибо предъявлять-то их некому. Бредовое состояние есть закон мысли как таковой» (Ален 2000: 268). Возможно, и не подозревая о том, Ален раскрывает всю безнадежность попытки позитивно определить *объективное* содержание понятия социального консенсуса.

В социологическом дискурсе понятию социального консенсуса удовлетворяют два вида неопределенности. На неопределенность первого вида — она предметна и вызвана тем, что предмет социального исследования *не определен*, но лишь *предполагается*, — данное понятие указывает, задавая предметную направленность, социальную интенцию дискурса, которая удерживает его в пределах дисциплинарной идентичности. Неопределенность второго вида порождена уже самим понятием социального консенсуса, когда его используют в качестве «определяющего» по отношению к социальной реальности как таковой. Именно эта неопределенность приводит к стремительно разрастающейся фрагментации объекта социального исследования, лавине ничем не ограниченных мнений по его поводу, социально-преобразовательной рецептуре, словом, всему тому, что идеально соответствует

«историческому опыту человечества», нерелевантно репрезентированному О. Контом в окончательной форме принципа социального единства — фантазме Великого Существа (См.: Comte 1929: 62–63). Очевидно, что неопределенность второго вида для современной социологии представляет преимущественно *исторический* интерес (См.: Анкерсмит 2007); *теоретический* интерес для нее представляет предметная неопределенность, на которую указывает понятие социального консенсуса и которая вообще выявляется лишь средствами современной социологии, а именно — систематическим применением сравнительно-социологического анализа в режиме рефрейминга к ней самой как к сложному фрейму исторических форм полагания объекта социального исследования.

Современное состояние социологического дискурса, — отмечает Р. Дарендорф, — «дает многочисленные свидетельства необходимости критического дистанцирования социологии от своего предмета. Социология должна быть не только эмпирической наукой, но критической эмпирической наукой» (Дарендорф 2002: 8). Ситуация, как мы видим, повторяется: теперь Р. Дарендорф, подчеркивая необходимость критического дистанцирования от исторически предметной (эмпирической) формы полагания объекта социального исследования, указывает на предполагаемый предмет современной социологии с присущей ей интенцией к институциональной открытости (См.: Буравой 1997), давая нам возможность отчетливо представить себе, что «критическое единство» предмета и метода социологического исследования и является той единственно возможной для современной социологии формой *социального консенсуса*, в которой социальное знание преобразуется в практически значимую ценность, равно доступную всем, для кого она действительно является таковой.

Затруднение, однако, состоит лишь в том, что мы «еще не знаем», в чем состоит критическое единство предмета и метода, хотя и признаем, что имеется существенное продвижение вперед: это «незнание» и отличает современных социологов от О. Конта, который «уже знал», что социальный консенсус есть и что он является таким, каким он его себе представляет, а именно — силой, способной подчинять любые социальные проявления сознательного поведения людей (См.: Арон 1993:116).

Примем во внимание, что сравнительно-социологический анализ как способ рефрейминга трансформирует фрейм, посредством которого выражена предметная определенность социального объекта в позитивном дискурсе или эмпирическом исследовании, обратно в предмет, но не объективирует его. «Социальный консенсус» и есть этот трансформируемый фрейм. Поэтому, если мы хотим знать, в чем именно состоит консенсус, мы должны найти способ отчетливо представить себе предмет. Любая попытка задачу упростить — представить консенсус в форме объекта — ведет к разрушению фрейма. Исследовательское поле социологии как закрытой институциональной системы буквально переполнено осколками «социального консен-

суса». Последнее обстоятельство, как отмечает И. Валлерстайн, создает «аномальную ситуацию, увековечивающую в чем-то мифическое прошлое, то, что имеет сомнительную ценность» (Валлерстайн 2003: 296). Предложение упорядочить хаотическое многообразие мнений по поводу социального объекта с помощью дисциплинарно нерелевантного признака «культура социологии», по нашему мнению, никуда не ведет — это то же самое, что и «социологичность», демонстрирующая приобщенность к дискурсу, вовлеченность в коммуникацию, но не более того.

Объективно «социальный консенсус» пуст. Данное понятие вводится в социологический дискурс через отрицание, поэтому у него нет и не может быть позитивного содержания. О. Конт это знал, но не мог это знание принять.

Позитивный социологический дискурс реалистичен, но предметная интенция, содержащаяся в нем, вынуждает социолога занимать по отношению к объекту также и критическую позицию: он должен не только наблюдать, но и сравнивать «то, что наблюдается» с «наблюдаемым», фокусируя свой интерес на несовпадении этих форм друг с другом, так как именно в зоне несовпадения «наблюдаемого» и «того, что наблюдается» фиксируются изменения, происходящие с объектом наблюдения, а значит, — появляется возможность, выявив регулярность несовпадений, понять закономерный характер изменения объекта. Это и есть зона специфически предметной «социальной реальности», в которой эмпирическая социология исследует социальный объект.

Альтернативная когнитивная стратегия исходит из того, что несовпадение «наблюдаемого» и «того, что наблюдается» вызвано несоответствием объекта наблюдения установкам наблюдателя, поэтому наблюдатель воспринимает это как аномалию, присущую объекту, «тому, что наблюдается», которую требуется устранить.

О. Конт реалистичен в описаниях наблюдаемой реальности — отсутствие консенсуса, расстройство, кризис: (1) «Глубокое разногласие *наблюдается* (курсив мой — *Е.Т.*) ныне между всеми людьми» (Comte 1907: 26); (2) «Сфера материальной жизни претерпевает расстройство, так как растущее население и увеличивающееся богатство поражены усиливающейся взаимной враждой» (Comte 1929: 391); (3) «Интеллектуальная анархия — вот *конечная причина* (курсив мой — *Е.Т.*) великого политического и морального кризиса современных обществ» (Comte 1907: 26). Поэтому О. Конт действительно знает, что социальная проблематика порождена взаимным *несогласием, разладом* социальных связей, *кризисом* социальных отношений и институтов, то есть отсутствием универсального консенсуса. Последнее он воспринимает как аномалию, не принимая во внимание, что неизменное вообще не наблюдаемо. Для О. Конта иное невозможно, так как «социальный консенсус» определен им еще и как принцип достоверности позитивного знания, которое не может не обеспечивать «логическую гармонию между индивидом

и духовной общностью» (Конт 2001: 55). Характерно, что свойства положительного знания «реалистичность», «точность», «положительность» точно так же, как и «достоверность», представлены О. Контом в форме отрицательных высказываний.

Теперь мы уже ясно понимаем, почему никакие попытки придать понятию социального консенсуса значение универсального принципа социальной жизни так и не смогли помешать социологии совершить движение к ее современному состоянию, сохраняя качество самостоятельной научной дисциплины.

Объект современной социологии, как и прежней, изменчив и по-прежнему пребывает в состоянии кризиса, несогласия и разлада. Поэтому он наблюдаем. Социальный консенсус как универсальный принцип социальной жизни не может ни поспособствовать, ни воспрепятствовать наблюдению — «тем, что наблюдается» он опровергался множество раз. Современная социология отказалась от универсального принципа, но сохранила для себя решение проблем, которые были получены с помощью этой абстракции. Формой, в которой аккумулируются принципы демаркации, единства предметной направленности и метода исследования социального объекта, нормативные требования к исследовательским процедурам, определяющие дисциплинарную идентичность социологии, выступает понятие дисциплинарного концепта.

В отличие от позитивной или эмпирической социологии в современной более отчетливо выражено представление о социальной реальности как предмете исследования (Mead 1969; Minsky 1986). Теперь социология может исследовать *любой* объект, предметная определенность которого удовлетворяет конъюнкции свойств «сознательность», «наблюдаемость» и «социальность».

Объективно предметное определение каждого из указанных свойств для современной социологии представляет значительную проблему (Бергер, Лукман 1995). Взятые вместе, они очерчивают проблемное поле дисциплинарного релевантного применения сравнительно-социологического метода.

Понятие социального консенсуса, утратив статус универсального принципа, превратилось в эмпирическое понятие современной социологии, в содержании которого предметная направленность, заданная свойствами сознательности, наблюдаемости и социальности, интерпретирована социально значимыми признаками «толерантность», «предсказуемость», «релевантность» — они наглядно репрезентированы практикой социальных взаимодействий и поведением индивидов, — на их основе формируются в качестве массового социального явления многообразные «социальные консенсусы» конкретных людей по поводу них самих, положения дел или социальных институций (Гарфинкель 2007).

Еще раз отметим, что современное понимание сознания как *массового* статистически-информационного процесса смены ментальных состояний

индивида в хаотическом многообразии интерактивных взаимодействий позволяет включить сознание в предметную область научного социологического исследования (Сёрл 2002), что в свою очередь выступает основанием сравнительного анализа институциональных трансформаций типов социальности, раскрывающих объективно-предметное содержание метатеоретической формы *общего* сравнительного метода современной социологии.

Литература

- Ален. Суждения. М.: «Республика», 2000.
- Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007.
- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: «Прогресс» – «Универс», 1993.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995.
- Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1997. №№ 10–11.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: «Логос», 2003.
- Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002.
- Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Изд-во «Европа», 2008.
- Конт О. Дух позитивной философии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского философского общества, 2001.
- Милль Д.С. Огюст Конт и позитивизм. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Comte A. Cours de philosophie positive. P.: Schleicher Frères éditeurs. Vol. 1, 1907. Vol. 4, 1908.
- Comte A. Système de politique positive. P.: Société positiviste. Vol. 2. 1929.
- Mead G.H. Mind, Self and Society. Chicago: University of Chicago, 1969.
- Minsky M.L. Society of Mind. N.Y.: Simon and Shuster, 1986.